

СООТНОШЕНИЕ МИФА И ИСТОРИИ В УСТНЫХ РАССКАЗАХ БУРЯТ

Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.192.1.4. Миф и история в фольклоре и литературе бурят и русских сибиряков: универсалии и специфика № АААА-А17-117021310268-2)

Аннотация: В статье предпринята попытка проследить цепочку взаимоотношений мифа и истории на материале бурятских устных рассказов. В бурятском фольклорном материале наблюдается своеобразный процесс мифологизации исторически достоверных событий общественного значения, в частности, исторических лиц; взаимовлияние мифа и истории, что является показателем одной из специфических черт устного народного творчества. Впервые вводимые в научный оборот и проанализированные полевые записи из Фондов ИМБТ СО РАН по указанной теме позволяют сделать вывод о том, что наиболее характерной моделью является сочетание народной фантазии и фактов отдельных деталей истории с присоединением имен легендарных личностей.

Ключевые слова: миф, история, устные рассказы, мифологизация, исторические лица и факты.

Tsybikova Badma-Khanda Badmadorzhievna
 The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
 of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
 Ulan-Ude, Russia

THE CORRELATION OF MYTH AND HISTORY IN ORAL STORIES OF BURYATS

Abstract: The article is an attempt to retrace relations between myth and history on the material of Buryat oral stories. In the Buryat folklore materials we can note an original process of mythologization of historically authentic events of social significance, in particular, historical figures, the mutual interaction of myth and history, that creates the specificity of the oral folk arts. For the first time introduced into scientific circulation and analyzed field records from the Funds of IMBT SB RAS let us conclude that the most characteristic model is a combination of folk fantasy and the facts of historical details with the addition of the names of the legendary personalities.

Keywords: myth, history, oral stories, mythologization, historical figures and evidence.

Представление о мифе и мифологии как об одном из древнейших культурно-исторических феноменов всегда привлекало внимание исследователей различных областей науки. Так как мифологической системе любого народа характерна социально-историческая обусловленность, то возникает необходимость исследования проблемы историзации мифа и мифологизации истории. Так, на нашем локальном фольклорном материале – в устных рассказах бурят – попытаемся проследить цепочку взаимоотношений мифа и истории.

Имеющиеся в нашем распоряжении тексты несказочной прозы бурят, представленной мифами, устными рассказами мифологического, исторического характера, легендами, преданиями, показывают, что действительно существовавшие исторические лица под воздействием мифологического мышления носителей фольклора приобретали черты героев мифологических. В этом плане показательны устные рассказы, связанные с именем Чингис хана. Ему приписывается изобретение крепких напитков (*тарасуна и архи*); инициатива произнесения благопожеланий – якобы, с тех пор как он выразил пожелания всяческих благ, появился ритуал высказывания добрых напутствий. Он, по мнению исполнителей устной прозы, является учредителем отдельных элементов свадебного обряда; кроме того, существующая у монгольских народов традиция восхваления коня (*мориной соло*) берет начало от него. Великому монгольскому хану отводится роль праотца, от которого ведут свое начало многие бурятские племена/роды [Фонды Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН), инв. №№ 1948, 1853, 1928, 1719].

Содержанием подобных устных рассказов является не историческое событие, а воспроизводимая мифологическая схема, в котором фигурируют исторические имена, достоверные названия местностей. Например, появление названий отдельных локальных географических объектов Бурятии связывают также с пребыванием Чингис-хана в той или иной местности. Как показал имеющийся материал, здесь мы наблюдаем не попытку изобразить образ реальной исторической личности, напротив, подчеркиваются исключительно качества мифологического персонажа, создателя и изобретателя.

В сюжетах бурятских устных рассказов о Петре I царь представлен как обычный человек, но в образе идеального труженика: «Это был человек очень работающий, смелый был. Говорят, это был человек, попробовавший переделать любую работу своими руками. И землю пахал, и урожаем сеял, и сено косил, и урожай снимал, и дрова готовил, и строителем был, и шкуры обрабатывал, и навоз убирал, [такой] был человек. Говорят, потом он сказал, что из всех работ нет тяжелее работы, чем готовить дрова и убирать навоз» (*Угаа ехэ хүдмэришэ, зүрхэтэй хүүн ябаһан. Хүдмэрише барни гараараа хэжэ үзэһэн хүүн гэгшэ. Газариха хахалһан, тарай хадаһан, үбһэ сабшаһан, тарай наншаһан, түлэз отолһон, дархан болоһон, арһа элдэһэн, шэбхэ адхаһан хүүн ябаһыма ха. Тишэдээ хүдмэри соо хуу баранһаа хүндэн шэбхэ адхаха түлэз отолхо хоёрһоо хүндэ хүдмэри үбэй гэгжэ хэлһымэ гэгшэ*) [Фонды ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 1041] .

К текстам, наиболее ярко иллюстрирующим модель сочетания народной фантазии и фактов отдельных деталей истории с присоединением имен легендарных личностей, относится устный рассказ, записанный в 50-ые годы прошлого столетия в Иволгинском районе Бурятии. Сюжетная линия развивается следующим образом: от жены Чингис-хана, оставившего ее где-то на Кавказе перед тем, как пойти войной на Русь, родился сын, впоследствии ставший кучером одного из царствующих особ династии Романовых (*баатар сагаан хаан Роман ноёной*). Не имеющий наследника русский царь перед смертью повелевает: на престол посадить того человека, при приходе которого лампадка (*зула*) возгорится сама. Когда вошел сын Чингис-хана – кучер, лампадка зажглась. Так, по мнению бурят, монгол воссел на царский трон [Фонды ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 2449].

Таким образом, «...исторические имена и события присоединялись к существующим сюжетам... Народное творчество, в частности исторические произведения каждого народа, не развивается без такого присоединения исторических лиц и событий к традиционным сюжетам» [Сихарулидзе, 1988, с. 253].

Отдельный пласт составляют устные рассказы об известных личностях, местных чиновниках, религиозных деятелях, в основе которых преобладает исторический фон. Они построены на мотивах о прославленных личностях, сыгравших позитивную, знаковую роль в истории народа. В них главными персонажами выступают заметные фигуры, оставившие значительный отпечаток, отголосок в этническом сознании, памяти своих современников. В качестве такового в бурятском материале выступает подлинное лицо, реально жившее в определенное историческое время: Савва Рагузинский, участвовавший в проведении российско-китайской границы в должности посла России в Цинской империи (1725-1728 гг.); Батан Туракин (предводитель делегации бурят к Петру I, 1702 г.); тайша хори-бурят Дамба-Дугар Иринцев, находящийся в этой должности в 1768-1804 гг.; Заяа хамба (Дамба-Даржай Заяев, бурятский религиозный деятель, первый глава буддистов Восточной Сибири в 1764-1776 годах); Д. Банзаров, первый бурятский ученый (1822-1855); глава Баргузинской степной думы Цэдэб-Жаб Сахаров, состоявший в этой должности в конце 80-ых годов XIX в. Всех этих людей, также как и других персонажей данного цикла устных рассказов – местных чиновников, ноёнов, старейшин, управляющих родо-племенной группой – отличают особенные заслуги перед народом. Создатели подобных нарративов о легендарных личностях за основу берут их плодотворную деятельность/передовые взгляды/незаурядные качества. Используя цитату М.И. Тулохонова, подчеркнем: «Сюжеты исторических преданий – это своего рода народные версии прошлых событий с разной степенью достоверности и соответствия жизненным реалиям» [Тулохонов, 1982, с. 4].

Необходимо подчеркнуть, что в своей основе подобные сюжеты лишены исторического подтекста, имеют характер вольного изложения об отдельных поступках, деяниях, особенностях характера или происхождения изображаемого лица. Таким образом, происходил процесс наслоения мифологии на реальную историю. Говоря о конкретно-исторической эмпирике «народной памяти», М.Е. Мелетинский пишет: «Сказочно-мифологические концепции ... пронизывают самую суть представлений о народном прошлом, и их нельзя отделять как некий нарост, искажающий первоначальную картину» [Мелетинский, 1988, с. 262].

Подобную народную трактовку, оценку получило посещение цесаревичем Николаем в рамках его кругосветного Евразийского путешествия (1890-1891 гг.) восточных рубежей России, во время которого состоялась встреча с кочевыми народами Сибири, в том числе бурятами. Исторический факт его пребывания в Забайкалье, ставший необычайным событием того времени, а для аратов-степняков чрезвычайным, нашел отражение в устном творчестве бурят. Его сравнивают с птенчиком, облетающим свои владения с осмотром, вместе с тем уже набирающим силы для высокого полета. Таким образом, народом вполне реально оценивается будущая миссия цесаревича. Далее молодой Николай сравнивается с птицей-лебедем, являющейся в фольклорной традиции бурят родоначальником одного из крупнейших бурятских родов, который вернулся из теплых краев, вспомнив о своих дорогих подданных, к освежающему прохладному морю – здесь, возможно, проведена параллель с озером Байкал, прибрежные территории которого населены бурятами [Фонды

ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 1829/в]. В другом тексте говорится, что в том месте, где переночевал высочайший представитель дома Романовых, заседатель по имени Хэндэ (чиновник местного значения) построил *субарга* – буддийское мемориальное сооружение в честь гостя, как память о пребывании императорской персоны, которая в представлении простых кочевников приравнивается к божественной личности [Фонды ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. № 2295/2].

Подводя итог, скажем, что устные рассказы бурят создавались не только участниками событий, которые отражены в текстах (устные рассказы об известных личностях, местных чиновниках, религиозных деятелях), а в большей степени позже исполнителями, не являющимися современниками отдельных исторических событий. Характерная особенность таких произведений заключается «в мифологическом корректировании истории». Это проявляется в устных повествованиях, «которые вообще не трансформируют историю, но лишь отбирают из нее факты, укладывающиеся в мифологизирующую схему...» [Левингтон, 1988, с. 333]. В бурятском фольклорном материале наблюдается своеобразный процесс мифологизации истории, взаимовлияние мифа и истории, что является показателем одной из специфических черт устного народного творчества.

Литература

Левингтон Г.А. Предания и мифы / Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. II. С.332-333.

Мелетенский Е.М. Фольклор. Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 261-265.

Сихарулидзе К.А. Фольклор. Проблемы историзма. М.: Наука, 1988. С. 253.

Тулохонов М.И. Бурятские исторические предания. Поэтика жанров бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1982. С.3-17.